

DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.106-114
УДК 904

А.Л. Нестеркина, Е.А. Соловьева, А.В. Табаров, Д.А. Иванова

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru; easolovievy@mail.ru;
olmec@yandex.ru; nightliro@bk.ru

Мегалитические сооружения Корейского полуострова и Японского архипелага: комплексный анализ проблем происхождения и назначения

Настоящая публикация посвящена недостаточно освещенной в российской научной литературе проблеме возникновения и особенностей мегалитических сооружений на окраинах евразийского континента в период неолита – палеометалла. Главная цель работы – рассмотрение феномена мегалитов на Корейском полуострове и сопредельных территориях Японского архипелага с использованием комплекса данных археологии, естественных наук и эксперимента. Основными ареалами мегалитической культуры на Корейском полуострове (более 30 тыс. комплексов) являются прибрежные зоны на западе и юге, включающие в себя эстуарии крупных водных артерий на побережье Жёлтого и Восточно-Китайского морей. Большинство дольменов здесь однозначно относятся к эпохе палеометалла и интерпретируются как погребальные памятники. На Японских островах мегалитические сооружения представляют две разные по происхождению традиции – местную, имеющую корни в среднем дзёмоне, и принесенную с Корейского полуострова. Ареал погребений с дольменами, которые подавляющее большинство специалистов относит к культуре яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.), охватывает о-в Кюсю (префектуры Фукуока, Нагасаки, Сага), а также западную и центральную части о-ва Хонсю. Анализ мегалитов в обоих районах свидетельствует о том, что их возникновение и распространение лишь отчасти связано с производящим хозяйством и носит более сложный характер, отражающий, в первую очередь, важные изменения в социальной структуре древних обществ, обособление племенной элиты и территориальный передел.

Ключевые слова: Корейский полуостров, Японский архипелаг, палеометалл, мегалиты, дольмены, погребения.

A.L. Nesterkina, E.A. Solovieva, A.V. Tabarev, and D.A. Ivanova

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru; easolovievy@mail.ru; olmec@yandex.ru; nightliro@bk.ru

The Megaliths of Korea and Japan: An Analysis of Origins and Functions

This publication focuses on the origins and peculiarities of Neolithic and Bronze Age megaliths in the marginal areas of Eurasia, a topic infrequently addressed in Russian scholarship. The objective of this study is to describe the phenomenon of megalithism in Korea and the adjacent areas of Japan using archaeological evidence and science-based methods. In Korea, the megalithic sites, more than 30 thousand in number, concentrate in the west and south, along the estuaries of major rivers flowing into the Yellow and East China Seas. Most dolmens in Korea date to the Bronze Age and served as burial structures. In Japan, the megaliths belong to two traditions of different origin. One is local, originating from the Middle Jomon, the other was introduced from Korea. Most specialists attribute dolmens with burials to the Yayoi culture (3rd century BC to 3rd century AD). They are distributed on Kyushu Island (prefectures of Fukuoka, Nagasaki, and Saga) and in the western and central parts of Honshu Island. The analysis of megaliths in both regions suggests that their appearance and spread were only partly related to farming economy. The principal factors were social changes such as the emergence of tribal elites and the redistribution of territories.

Keywords: Korea, Japan, Jomon, Yayoi, Kofun, Bronze Age, megaliths, dolmens, burials.

Введение

Мегалиты – тип археологических памятников, представленных конструкциями из одного и более крупных камней. Они одновременно исключительно эффективные и сложные в плане датировки и интерпретации. Сооружение мегалитов отмечено во многих культурах начиная с каменного века. Наиболее известны и изучены мегалитические конструкции (менгиры, дольмены, кромлехи, трилиты и другие модификации) Западной Европы и Передней Азии, тогда как другие ареалы (Южная, Юго-Восточная Азия) в российской археологической литературе до настоящего момента рассматривались лишь предварительно [Воробьев, 1997, с. 47–49; Ларичев, 1978, с. 71; Бутин, 1982, с. 149–155; Тихонов, Кан Мангиль, 2011, 56–59].

Одним из крупнейших мировых центров распространения мегалитов является Корейский полуостров. Здесь насчитывается более 30 тыс. комплексов [Хангук чжисонмё..., 1999, с. 19, 1207]. Согласно преобладающей концепции, именно эта традиция сопровождает распространение земледелия и металлургии с Корейского полуострова на Японский архипелаг на рубеже эр и является характерной чертой культуры яёй [Деревянко, 1975].

Важнейшими в изучении мегалитов нам представляются вопросы происхождения, назначения и взаимовлияния различных традиций мегалитической архитектуры в соседних регионах. Являются ли мегалиты индикатором исключительно земледельческих обществ? Можно ли рассматривать их в качестве особого типа погребальных комплексов? Именно в этом ключе, используя комплекс данных археологии, естественных наук и эксперимента, мы рассматриваем феномен мегалитов на Корейском полуострове и сопредельных территориях Японского архипелага.

Мегалитические конструкции на Корейском полуострове

Мегалитическая культура Корейского полуострова представлена главным образом дольменами – сооружениями в виде ящика из двух или более крупных камней, перекрытого сверху каменной плитой. Известны также отдельностоящие камни – менгиры [Хангук чжисонмё..., 1999, с. 1203]. Ввиду отсутствия связанных с ними находок время сооружения и культурный контекст менгиров установить невозможно, поэтому в данной работе они не рассматриваются. Крупнейшими центрами распространения дольменов являются провинции Чолла-Намдо (Республика Корея) и Пхёнан-Намдо, Хванхэ-Намдо, Хванхэ-Пукто (КНДР) [Там же, с. 13, 1132–1134;

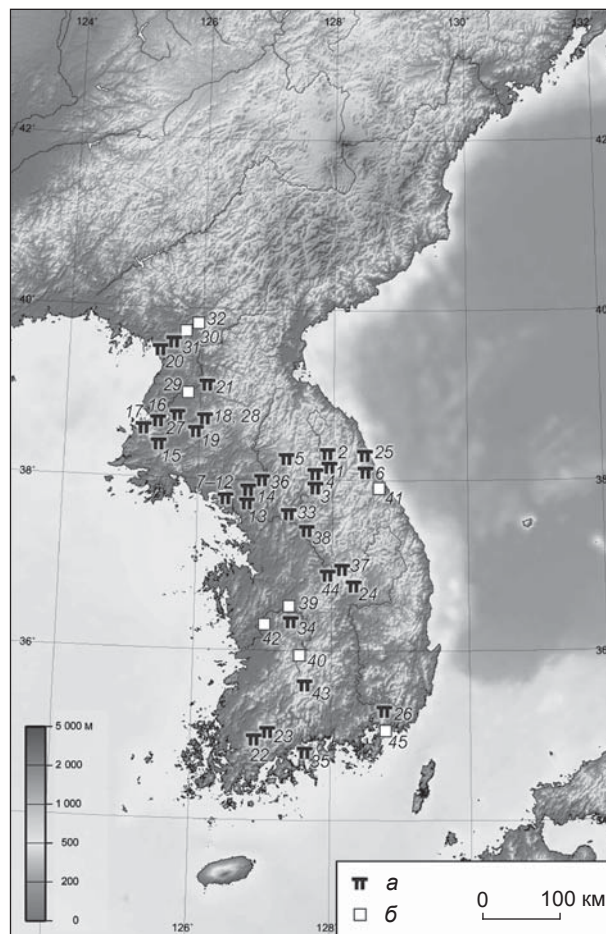

Рис. 1. Памятники бронзового века Корейского полуострова.

a – дольмены; *б* – другие мегалиты.

1 – Консури; 2 – Кодэри; 3 – Чхонджонни; 4 – Чхуджонни; 5 – Тхосонни; 6 – Помбури; 7 – Пугынни; 8 – Пугынни Чомголь; 9 – Самгори; 10 – Пугынни (Хадори); 11 – Осанни; 12 – Тэсанни; 13 – Кёхари; 14 – Тогынни; 15 – Ноамни; 16 – Яксадон; 17 – Квансанни; 18 – Одонни; 19 – Сокчхонсан; 20 – Йондонни; 21 – Мунхынни; 22 – Тэгонни; 23 – Тэсинни; 24 – Чинмонни; 25 – Чояндон; 26 – Нэдон; 27 – Чхонджиндон; 28 – Одок Пхёнчхон; 29 – Намгён; 30 – Курёнган; 31 – Мугбанни; 32 – Седжунни; 33 – Янсури; 34 – Пирэдон; 35 – Хваджандон; 36 – Оксонни; 37 – Хвансонни; 38 – Санджапхори; 39 – Синдэдон; 40 – Анджадон; 41 – Панныри; 42 – Сонгунни; 43 – Унгонни; 44 – Хамамни; 45 – Чанхан.

Ха Мунсик, 1999, с. 165, 166]. Наибольшая концентрация этих памятников отмечается на побережье Жёлтого и Восточно-Китайского морей, а также в бассейнах впадающих в них рек Чхончхонган, Тэдонган и Имджинган в КНДР; Ханган, Кымган, Йонсанган, Сомджинган с притоком Посонган, Нактонган с притоками Хванган и Намган в Республике Корея. В центральных и восточных районах Корейского полуострова количество дольменов невелико: в пров. Канвондо насчитывается всего 267, а в пров. Чхунчхон-Пукто – 207 (рис. 1).

Типология дольменов. Выделяются три основных типа: северный (в форме стола), южный (с фун-

даментом) и без опорных камней. В некоторых работах выделяется еще один – *високсик* (с кольцевой выкладкой). Дольмены северного типа «классические». У них погребальная камера из двух – четырех плит, накрыта каменной крышкой, расположена на поверхности (рис. 2, 1). Такие сооружения выявлены во всех районах, но большинство – на территории КНДР и в центральной части Корейского полуострова. Например, в пров. Кёнгидо насчитывается ок. 120 дольменов северного типа. Большая их часть

находится на о-ве Канхвадо и на территории к северу от р. Ханган. Типичными дольменами северного типа здесь считаются Пугынни № 18, Пугынни Чомголь № 24, Самгори № 39, Пугынни (Хадори) № 5, Осанни № 56, Тэсанни, Кёхари № 11 и Тогынни А, В1. Из 93 дольменов Северной Кореи к этому типу можно отнести 35 (Ноамни, Яксадон, Квансанни, Одонни, Сокчхонсан, Йондонни, Мунхынни). Незначительное число известно в центральных районах и на крайнем юге Корейского полуострова.

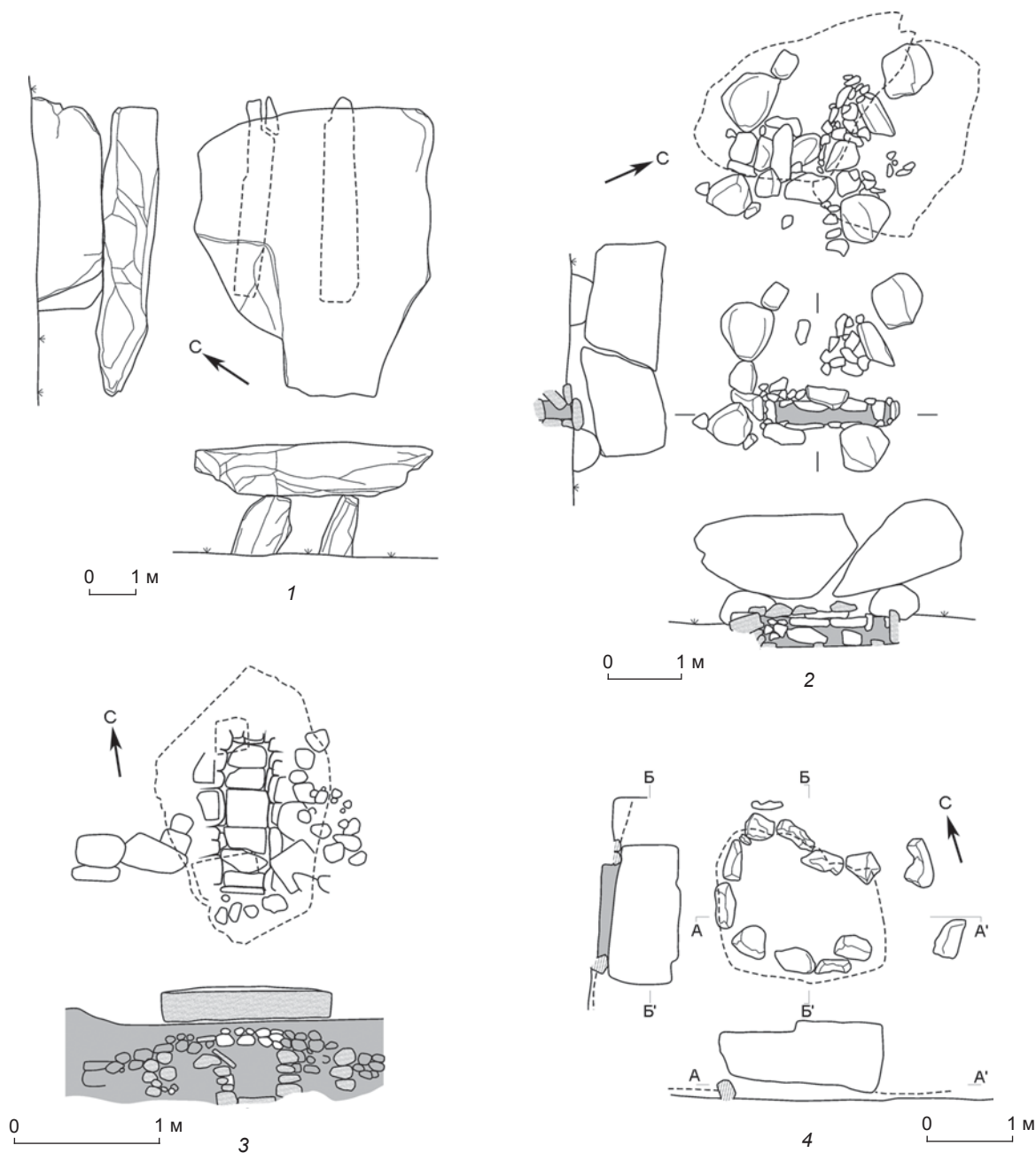

Рис. 2. Типы дольменов Корейского полуострова (по: [Хангук чжисонмё..., 1999; Чоннам-ый..., 1996]).
1 – северный: Пугынни № 18, о-в Канхвадо; 2 – южный: Нэу Усанни № 44, пров. Чолла-Намдо; 3 – без опорных камней: Тэбондон-5 № 1, пров. Кёнсан-Пукто; 4 – *високсик*: Поккёри № 5, пров. Чолла-Намдо.

У дольменов южного типа погребальная камера расположена в грунтовой яме, а в некоторых случаях каменное внутримогильное сооружение отсутствует. На земле устанавливалось несколько небольших аморфных камней, не входящих в конструкцию погребальной камеры, они поддерживают каменную крышку (рис. 2, 2). В большинстве случаев в качестве погребальной камеры у дольменов южного типа использовался ящик из плитняка, реже – плиточный гроб, а иногда – просто грунтовая яма. На территории Северной Кореи такие памятники не выявлены, в восточных и центральных районах полуострова они единичны, за исключением пров. Чхунчхон-Намдо, где данный тип является преобладающим. Дольмены южного типа в изобилии представлены в прибрежной зоне Южной Кореи: в провинциях Кёнсан-Пукто, Кёнсан-Намдо, Чолла-Пукто и Чолла-Намдо. В у. Хвасун пров. Чолла-Намдо обнаружены самые крупные: один на памятнике Тэгонни (размеры крышки $7,1 \times 4,0 \times 3,7$ м, масса ок. 210 т), другой на памятнике Тэсинни (размеры крышки $7,6 \times 4,2 \times 4,1$ м, масса ок. 260 т) [Хангук чжисонмё..., 1999, с. 967]. Большинство дольменов о-ва Чеджудо также относится к южному типу.

У дольменов без опорных камней конструкция погребальной камеры такая же, как у сооружений южного типа, но крышка расположена прямо над ней (рис. 2, 3). Данный тип распространен на всей территории полуострова. При этом в конструкции дольменов без опорных камней наблюдаются региональные различия. В северных и центральных районах (территория КНДР, провинции Канвондо и Чхунчхон-Пукто в Южной Корее) в качестве погребальной камеры использовался преимущественно плиточный гроб, на юге – ящик из плитняка.

При визуальном осмотре дольмены типа *високсик* напоминают сооружения южного типа. Но, в отличие от последних, погребальная камера у них находится на поверхности, роль ее стенок выполняют опорные камни (рис. 2, 4). Каменная выкладка обычно имеет округло-аморфную в плане форму, т.к. повторяет форму крышки, и не оснащена дополнительным перекрытием. В редких случаях погребальной камерой служила слегка углубленная в материк грунтовая яма, в верхней части стенок которой сооружалась выкладка из камней, поддерживающая крышку. Дольмены этого типа представлены только в южных районах Корейского полуострова и на о-ве Чеджудо (исключение – дольмен Чинмонни № 4 в пров. Чхунчхон-Пукто).

Инвентарные комплексы. Несмотря на разнообразие вариантов конструкции корейских дольменов, они представляют собой памятники единой культуры. Об этом свидетельствует и комплекс связанных с дольменами археологических материалов. Основную категорию находок составляет гладкостенная ке-

рамика [Ким Воллён, 1986, с. 66, 67; Ким Джансок, 2007, с. 74]: волчковая, с отверстиями или наlepным валиком по краю венчика, типа *мисонни*, *мугбанни*, красная и черная лощеная. Для дольменов северо-западной части Корейского полуострова характерна волчковая керамика и типа *мисонни*, *мугбанни*. Сосуды с отверстиями по краю венчика представлены в мегалитах северо-восточного и центрального районов. В дольменах южной и центральной части полуострова найдена многочисленная неорнаментированная и красная лощеная посуда, а также некоторое количество сосудов с крашеным орнаментом и черным лощением поверхности. Уникальная керамическая традиция мегалитов о-ва Чеджудо представлена видоизмененной керамикой с отверстиями или наlepным валиком на венчике.

На памятниках с волчковой керамикой найдены каменные кинжалы с тонким черенком, черешковые наконечники стрел, полулунные ножи, дисковидные и зубчатые палицы, прямоугольные топоры, тесла, долота, каменные пряслица, «каменные монеты», а также украшения из камня (цилиндрические бусины), кости, раковин и бронзы. Комплексы, в которых присутствуют сосуды с отверстиями на венчике, включают каменные рукояточные кинжалы, черешковые и треугольные наконечники стрел, прямоугольные топоры, дисковидные палицы, тесла, долота, каменные и керамические пряслица, керамические грузила, полулунные ножи. На одном объекте обнаружен бронзовый кельт (Чояндон № 1, пров. Канвондо). Из ритуальных предметов выявлены камни с «глазком», с резным крестом и с антропоморфным изображением.

Некоторые отличия прослеживаются в погребальном инвентаре дольменов южных районов. Помимо прямоугольных топоров, тесел, долот, керамических и каменных пряслиц, грузил, курантов, треугольных и полулунных ножей и других предметов хозяйственно-бытового назначения, характерных для мегалитической культуры Корейского полуострова в целом, здесь найдены каменные рукояточные кинжалы и с широким черенком, утяжелители на рукоять, черешковые наконечники стрел, топоры с желобком и уступом, бронзовые наконечники стрел, скриповидные кинжалы и наконечник копья, нефритовые украшения. Совсем не представлены украшения из бронзы, кости и раковин. Обнаружен комплекс инвентаря, включающий узколезвийный бронзовый кинжал и черную керамику, который характерен для периода поздней бронзы – раннего железа (Нэдон № 1 в г. Кимхэ, пров. Кёнсан-Намдо) [Ким Джонхак, 1983]. Из ритуальных предметов также встречаются камни с «глазком» и с резным крестом.

Хронология. В настоящее время нет никаких сомнений в принадлежности большинства дольменов Корейского полуострова к погребальным памятникам

бронзового века, поскольку они содержат типичный комплекс инвентаря, но есть и нюансы. Во-первых, по сравнению с огромным количеством изученных на этой территории мегалитических сооружений, сопровождающий инвентарь крайне малочисленный. Во-вторых, недостаточно определений абсолютного возраста дольменов. Наконец, большая часть дат была получена в 1960–1990-е гг. и их корректность вызывает сомнения. Именно поэтому для установления хронологических рамок существования мегалитической культуры на Корейском полуострове помимо абсолютных дат использовался также метод перекрестного датирования.

Особую роль при определении возраста дольменов Северной Кореи играет волчковая керамика и типа *мугбанни*. Волчковая керамика найдена в большинстве из них. Фрагменты венчиков из дольменов Ноамни, Чхонджиндон № 6 и Одок Пхёнчхон № 10 сходны с таковыми из жилища Намгён № 1, а по стилю орнамента в виде насечек напоминают керамику с памятника Курёнган. В дольмене Ноамни найден обломок широкого доньшка, характерного для видоизмененной волчковой керамики, представленной в материалах жилища № 2 памятника Намгён. Культурный слой бронзового века на этом памятнике делится на три периода по особенностям конструкции жилищ, волчковой керамике и другим находкам. По углю из жилища № 36, отнесенного к первому периоду, получена дата $2\,890 \pm 70$ л.н. (XIII–X вв. до н.э.). В свою очередь, для памятника Курёнган получена дата $2\,740 \pm 70$ л.н. (XI–VIII вв. до н.э.). Таким образом, за нижнюю гра-

ницу периода бытования дольменов можно принять XI–X вв. до н.э. [Ха Мунсик, 1999, с. 270].

Среди памятников Северной Кореи к сравнительно позднему времени относится Мугбанни в окрестностях г. Кэчхон пров. Пхённан-Намдо. По конструкции дольмены Мугбанни отличаются от других подобных сооружений данного региона: без опорных камней, с погребальной камерой в виде ящика из плитняка. В дольмене № 24 этого памятника найден керамический сосуд типа *мугбанни*. Такая посуда считается поздней разновидностью керамики типа *мисонни*. В жилищах второго горизонта стоянки Седжунни также обнаружены фрагменты керамики типа *мугбанни*. Перекрывающий его третий горизонт, в котором найдено ок. 2 500 монет *миндао*, в соответствии с периодом их использования относится к позднему Чжаньго (III в. до н.э.). Следовательно, расположенный под ним слой с керамикой типа *мугбанни* можно датировать IV–III вв. до н.э. [Бутин, 1982, с. 197–200, 210; Ха Мунсик, 1999, с. 157, 271].

Эпоху бронзы на территории Южной Кореи датируют XIII/X–III/II вв. до н.э. [Ким Воллён, 1986, с. 68; Чхве Сонлак, 1998, с. 105, 129, 229, 231]. Абсолютные даты дольменов (см. *таблицу*) в целом укладываются в рамки бронзового века и показывают, что эти мегалиты сооружались на всем его протяжении. Исключением является дата дольмена Янсури (II тыс. до н.э.), которая относится к среднему неолиту. Скорее всего, это объясняется некорректным отбором образцов.

Самая ранняя абсолютная дата получена на памятнике Пирэдон № 1 (XII–IX вв. до н.э.). В погреб-

Абсолютные даты дольменов Южной Кореи*

Памятник	Место нахождения	Материал образца	¹⁴ C-дата, л.н.	Индекс лаборатории, год	Калиброванная дата, гг. до н.э.
Янсури	у. Янпхён, пров. Кён-гидо	Уголь	$3\,900 \pm 200$	–	1950 (2910–1783)
Пирэдон № 1	г. Тэджон, пров. Чхунчхон-Намдо	»	$2\,860 \pm 50$	–	1005 (1145–900)
Хваджандон № 1	г. Ёсу, пров. Чолла-Намдо	»	$2\,770 \pm 40$	SNU00-076, 2000	910 (1000–820)
Хваджандон № 4-1	То же	»	$2\,630 \pm 40$	SNU00-075, 2000	840 (900–760)
			$2\,744 \pm 60$	R 24842, 2000	907 (1012–802)
Оксонни	у. Пхачжу, пров. Кён-гидо	»	$2\,590 \pm 105$	GX0554, 1965	640 (930–410)
Тэсинни № 27	у. Хвасун, пров. Чолла-Намдо	»	$2\,500 \pm 80$	SNU00-072, 2000	555 (796–415)
Хвансонни № 13	у. Чечхон, пров. Чхунчхон-Пукто	Антропологический	$2\,360 \pm 270$	GX0555, 1965	410 (1120 г. до н.э. – 212 г. н.э.)
Санджапхори № 4	у. Янпхён, пров. Кён-гидо	Уголь	$2\,170 \pm 60$	AERIK-91, 1972	220 (378–56)

*Составлено по: [Хангукса..., 1997, с. 28; Хангук чжисонмё..., 1999, с. 399, 702; Ли Ёнмун, 2002, с. 258; Ким Джэвон, Юн Мубён, 1967, с. 49, 124, 125; Ли Ёнмун, Ким Джинъён, 2001, с. 109–114; Ли Ёнмун и др., 2002, с. 165–168].

бальной камере найдены скрипковидный кинжал, красная лощеная керамика и каменные треугольные наконечники стрел с выемкой в основании. На поселениях Синдэдон и Анджадон в том же районе в аналогичных комплексах инвентаря вместо скрипковидного кинжала обнаружены каменные кинжалы со ступенчатой рукоятью и кровостоком. Время существования поселения Синдэдон укладывается в рамки X в. до н.э., что согласуется с датировкой дольмена Пирэдон № 1. Инвентарь дольмена Чо-яндон № 1 (г. Сокчхо), включающий веерообразный бронзовый кельт и треугольные наконечники стрел, сходен с материалами поселения Паннэри у г. Каннин. Оно относится к типу *хынамни*, датированному IX в. до н.э., но, судя по абсолютным датам (1279–980, 1230–395, 1208–544, 794–431 гг. до н.э.), является более древним (X в. до н.э.). В плиточном гробу дольмена Сонгунни в у. Пуё обнаружены каменные узколезвийные наконечники стрел, кинжал с цельной рукоятью и скрипковидный. Для связанного с ним жилища получены даты 979–762 и 894–412 гг. до н.э. (IX в. до н.э.). В дольменах памятника Хваджандон также найдены каменные кинжалы с цельной рукоятью. Они считаются более поздними по сравнению с кинжалами со ступенчатой рукоятью. На этом памятнике получены даты 1024–801, 976–811, 895–769 гг. до н.э., что позволяет отнести его к IX–VIII вв. до н.э. Жилище Оксонни, обнаруженное в слое ниже дольмена северного типа, на основании даты 930–409 гг. до н.э. датируется второй половиной IX в. до н.э. Представляется, что есть возможность удревнить нижнюю границу существования мегалитической культуры на юге Корейского полуострова до XI–X вв. до н.э. [Ли Ёнмун, 2002, с. 258–260].

На территории Южной Кореи представлены дольмены, в которых найдены сосуды с наlepным валиком на венчике, черная лощеная керамика, узкие бронзовые кинжалы и другие материалы, относящиеся к периоду поздней бронзы – раннего железа. Только на двух памятниках с узкими бронзовыми кинжалами получены абсолютные даты: для дольмена Санджапхори № 4 – III в. до н.э., для каменного ящика с деревянным гробом Тэгонни (пров. Чолла-Намдо) – начало VIII – II в. до н.э. Судя по ним, а также по наличию узких бронзовых кинжалов, которые начали использовать на Корейском полуострове в III в. до н.э., памятники можно датировать IV–III вв. до н.э. [Там же, с. 261]. К этому времени относится и дольмен Нэдон № 1 с аналогичным комплексом инвентаря. На памятнике Унгонни (пров. Чхунчхон-Пукто) в слое с неорнаментированной посудой найдены фрагменты валиковой керамики, характерной для раннего железного века. По ним дольмены этого памятника датированы кон-

цом III – II в. до н.э. [Хангук чжисонмё..., 1999, с. 230]. В дольмене Хамамни № 5 (пров. Чхунчхон-Пукто) обнаружен железный шлак. Эта находка подтверждает существование таких мегалитов в раннем железном веке. Кроме того, верхняя граница датировки дольменов о-ва Чеджудо относится примерно к I–II вв. [Там же, с. 1108].

Таким образом, время существования мегалитической культуры в северной части Корейского полуострова XI–IV/III вв. до н.э., в южной – XI–III/II вв. до н.э., возможно, в дальнейшем верхнюю границу этого периода можно будет отнести к рубежу эр.

Вопрос о генезисе феномена мегалитов представляется сложным. Традиционно происхождение мегалитической культуры на Корейском полуострове принято объяснять сменой этноса (палеоазиатов сменили тунгусо-маньчжуры) [Бутин, 1982, с. 153; Воробьев, 1997, с. 100; Тихонов, Кан Мангиль, 2011, с. 47, 48]. Однако популярная теория о распространении мегалитов с севера на юг (с территории Южной Маньчжурии) в свете данных радиоуглеродного датирования представляется не вполне состоятельной. Во всяком случае, происхождение корейских мегалитов нельзя связывать исключительно с миграциями. На начальном этапе не последнюю роль могла играть и местная традиция. Об этом отчасти свидетельствует использование камня в погребальной и ритуально-поминальной практике эпохи неолита. На исследованном не так давно могильнике Чанхан на о-ве Кадогдо в окрестностях г. Пусан некоторые костяки перекрыты камнями. С юго-западной стороны к памятнику примыкает территория, где зафиксированы синхронные с ним каменные выкладки-насыпи и ямы, которые представляют собой связанный с могильником поминальный комплекс [Ким Санхён, 2011, с. 27]. Чанхан – пока единственный памятник неолита, где в конструкциях применялся камень. Дальнейшее выявление неолитических могильников и отдельных погребений, а также ритуальных комплексов позволит решить вопрос о происхождении традиции сооружения мегалитов. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что для неолита на Корейском полуострове мегалиты не были характерны, а расцвет мегалитической культуры связан с эпохой бронзы.

Что касается назначения корейских дольменов, то, несомненно, большинство из них представляет захоронения. Более того, среди форм погребений, характерных для бронзового века Корейского полуострова (дольмены, плиточные гробы, каменные ящики, урны), дольмены преобладают. Результаты реконструкций и экспериментов свидетельствуют о том, что для строительства дольменов необходим высокий уровень концентрации человеческих ресурсов и социальной стратификации [Ли Ёнмун, 2002, с. 329–330];

Ю Тхэён, 2000, с. 220, 221]. Связано ли появление мегалитов на Корейском полуострове с развитием земледелия – вопрос, который также не находит однозначного ответа. Наиболее ранние свидетельства земледелия здесь относятся к эпохе неолита [Лим Сантхэк, 2007, с. 60, 61; Косон Мунамни..., 2013, с. 172–181, 267, 268, 271]. Следовательно, происхождение корейских мегалитов нельзя объяснять исключительно переходом от присваивающей экономики к производящей.

Традиции мегалитических сооружений на островах Японского архипелага

Археологические данные свидетельствуют о том, что на территории Японского архипелага мегалиты сооружались начиная с дзёмона и затем в эпохи яёй и кофун. К дзёмону относятся разнообразные мегалитические конструкции, самыми известными из которых являются каменные круги. Среди мегалитов более позднего времени наиболее представительную группу составляют дольмены.

В III в. до н.э. – III в. н.э. на островах Японского архипелага происходили кардинальные изменения практически во всех культурных составляющих: смена присваивающего хозяйства производящим, появление новых технологий и совершенствование ранее существовавших, изменения в погребальном обряде и социальной структуре. Наиболее ранние свидетельства возведения дольменов относятся к заключительной фазе финального дзёмона, расцвет приходится на ранний и первую половину среднего периода яёй.

В японской традиции дольмены связаны с погребальной практикой. Надмогильные сооружения из камня фиксируются в культуре дзёмон начиная с позднего периода. Это каменная кладка с центральным камнем посередине; выложенные вокруг могильной ямы каменные глыбы или плиты, образующие конструкцию прямоугольной, квадратной, овальной или круглой формы.

Мегалитические сооружения эпохи яёй представлены дольменами. Основной район их распространения ограничен северо-западными префектурами о-ва Кюсю – Фукуока, Нагасаки, Сага. В западной части о-ва Хонсю эта традиция представлена позднейяёйским погребальным комплексом Татэцуки (преф. Окаяма). Всего в настоящее время насчитывается более 50 памятников с дольменами. Данная цифра является приблизительной, поскольку к числу погребений с дольменами относят и грунтовые могилы с каменными крышками [Сим Бонгын, 1999, с. 174; Яёй бунка..., 1991, с. 97–103].

Особый интерес представляет группа дольменов Кинрю (преф. Сага), датируемая концом финального

дзёмона – первой половиной раннего яёй. Они находятся на территории более позднего могильника Ку-боидзуми Маруяма, относящегося к культуре кофун (V–VI вв. н.э.). Здесь локализовано 16 дольменов, одна могила с погребальной урной, две с каменными гробами в форме ящика, восемь курганов и три каменные гробницы. Дольмены имеют по пять-шесть опорных камней, длина плит достигает 3 м. Всего на памятнике раскопано 118 погребений, относящихся к финальному дзёмону – раннему яёй, и 12 захоронений эпохи кофун [Морита Такаси, 1997].

На могильнике Синмати (преф. Фукуока) выявлено 57 грунтовых могил, в т.ч. с дольменами на трех-четырёх опорных камнях и с погребальными урнами [Яёй бунка..., 1991, с. 99]. К дольменам без опорных камней можно отнести комплекс Сито (преф. Фукуока). Он представлен десятью могилами, покрытыми каменными плитами, и восемью с погребальными урнами. В некоторых случаях стенки грунтовых могил с дольменами были укреплены каменными плитами [Ситосисэкибо-гун..., 1956, с. 5–8]. Сопроводительный инвентарь представлен ранней яёйской керамикой стиля *ю:су* (плоскодонные горшки с расширяющимся венчиком, кувшины с узким горлышком, миски на подставке), а также цилиндрическими бусинами *кудама* и шарообразными *кодама*, ретушированными наконечниками стрел, единичными изделиями из бронзы [Яёй бунка..., 1991, с. 97–103].

На смену погребениям с дольменами постепенно приходят захоронения в керамических урнах и земляных насыпях. Мегалитические конструкции среднего и позднего периодов яёй представлены уникальными комплексами Сугу Окамото (г. Фукуока) и Татэцуки (преф. Окаяма). Первый включает могилы с насыпями, с погребальными урнами, а также следы мастерских по производству изделий из бронзы. На могильнике особо выделяется сектор D с мегалитической конструкцией из двух каменных плит поверх грунтовой могилы с погребальной урной (рис. 3, 1). Один камень, длиной 3,6, шириной 2 м, закрывает могильную яму, другой расположен вертикально у края первого, его высота 1,5, ширина 1,2 м. Толщина плит варьируется от 30 до 40 см. На могильнике зафиксировано 300 погребений с инвентарем, включающим украшения, бронзовые мечи, алебарды, наконечники стрел и зеркала. Наличие столь богатого инвентаря и мегалитической конструкции над погребением позволяет предполагать, что женщина, останки которой обнаружены в урне, была представительницей элиты, возможно, вождем [Сидзэн..., 2013, с. 138–140].

Второй уникальный комплекс относится к финальному периоду яёй и представлен курганом Татэцуки. Насыпь состоит из трех частей, расположенных по линии северо-восток – юго-запад, центральная круглой формы (43 м в диаметре), две боковые – прямоугольной

1

2

Рис. 3. Мегалитические сооружения эпохи яёй. Японский архипелаг.
1 – комплекс Сугу Окамото (по: [Сидзэн..., 2013]); 2 – комплекс Татэцуки (по: [Кондо Ёсиро, 2002]).

(до 4,5 м высотой). По всему контуру кургана прослеживается каменная кладка. На его поверхности находилось сооружение из пяти вертикально стоящих камней (высотой до 2 м), расположенных вокруг центрального погребения (рис. 3, 2). Внутри кургана обнаружена деревянная погребальная камера (3,5 × 1,5 м) с деревянным гробом (длина 2, ширина 0,7 м), в котором найдены железный меч, свыше 2 тыс. стеклянных бусин и керамическая *магатама*. Можно предположить, что могила принадлежала лицу, имевшему высокий статус [Кондо Ёсиро, 2002, с. 10–15, 114–116].

Таким образом, говоря о мегалитических конструкциях культуры яёй, мы прежде всего подразумеваем погребения с дольменами. Несмотря на то что в период позднего – финального дзёмона на территории о-ва Кюсю в погребальной практике использовались конструкции из камней, традиция возведения дольменов относится ко времени миграции населения с Корейского полуострова.

Заключение

Таким образом, феномен мегалитов – это не столько размеры и форма, сколько особые отношения между зрителем и объектом, символика культуры, способы культурной идентификации и дифференциации.

Если хронология мегалитов на Корейском полуострове и яёйских дольменов на о-ве Кюсю в целом укладывается в эпоху палеометалла (не древнее III тыс.), то в отношении ранней мегалитической традиции в северной части Японского архипелага этот вопрос остается открытым. Комплексы с каменными кругами начали создаваться там уже в среднем дзёмоне ок. 4 500 л.н.

Примечательно, что связь мегалитов с погребениями на Корейском полуострове и Японском архипелаге вовсе не носит обязательный характер, а в тех случа-

ях, когда мегалитические сооружения сопровождаются погребениями, речь идет о захоронениях племенной элиты. Совершенно очевидно и то, что мегалиты не являются однозначным маркером земледельческих и скотоводческих обществ как на Корейском полуострове, так и на Японском архипелаге. Возникновение земледелия на Корейском полуострове относится к среднему неолиту, т.е. к домегалитическому времени [Чхве Джонпхиль, 2001, с. 49]. Дзёмонская традиция сооружения мегалитов вообще никоим образом с земледелием не связана. Этот феномен заслуживает специального исследования.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036). Авторы выражают искреннюю признательность профессору Йошитака Каномата (Университет Тохоку, Япония) за возможность посетить археологические памятники в префектурах Аомори и Акита, канд. ист. наук С.В. Лаптеву (Музей Михо, Япония) и почетному профессору Чхве Монлэну (Сеульский университет) за помощь с литературой по тематике статьи и ценные комментарии.

Список литературы

- Бутин Ю.М. Древний Чосон (ист.-археол. очерк). – Новосибирск: Наука, 1982. – 330 с.
- Воробьев М.В. Корея до второй трети VII века: этнос, общество, культура и окружающий мир. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1997. – 432 с.
- Деревянко А.П. Культура яёй и ее связи с материковыми культурами // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 138–149.
- Ким Воллэн. Хангук когохак кэсоль (Основы археологии Кореи). – Сеул: Ильджиса, 1986. – 293 с. (на кор. яз.).

Ким Джансок. Бронзовый век // Хангук когохак каный (Лекции по археологии Кореи). – Сеул: Сахве пхённон, 2007. – С. 73–105 (на кор. яз.).

Ким Джонхак. Сообщение об исследовании дольменов Нэдон в г. Кимхэ // Пусан Тангамдон кобунгун (Курганный могильник Тангамдон в г. Пусан). – Пусан: Музей Ун-та Пусан, 1983. – Прил. I. – С. 1–7 (на кор. яз.).

Ким Джэвон, Юн Мубён. Хангук чисонмё ёнгу (Исследование дольменов Кореи). – Сеул: Нац. музей Республики Кореи, 1967. – 421 с. (на кор. яз.).

Ким Санхён. Самый крупный могильник раннеэолитического времени // J. of Korean Archaeol. – 2011. – С. 22–31 (на кор. яз.).

Кондо Ёсиро. Татэцуки яёй функю:бо (Курган культуры яёй Татэцуки). – Окаяма: Кибито, 2002. – 165 с. (на яп. яз.).

Косон Мунамни юджок II пальгуль чоса погосо (Отчет о раскопках памятника Мунамни в у. Косон). – Тэджон: Гос. ин-т культурного наследия Республики Кореи, 2013. – 382 с. (на кор. яз.).

Ларичев В.Е. Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 9–87. – (История и культура Востока Азии).

Ли Ёнмун. Хангук чисонмё сахве ёнгу (Исследования общества дольменов Кореи). – Сеул: Хагён мунхвама, 2002. – 452 с. (на кор. яз.).

Ли Ёнмун, Ким Джиньён. Йосу Хваджандон Ягмультгогэ, Тэбанни чисонмё (Дольмены Хваджандон Ягмультгогэ и Тэбанни в г. Йосу и его окрестностях). – Мокпхо: Музей Ун-та Мокпхо, 2001. – 119 с. (на кор. яз.).

Ли Ёнмун, Ким Сынгын, Пак Тогджэ, Кан Джинпхё. Хвасун Тэсинни чисонмё (Дольмены Тэсинни в у. Хвасун). – Мокпхо: Музей Ун-та Мокпхо, 2002. – 194 с. (на кор. яз.).

Лим Сантхэк. Эпоха неолита // Хангук когохак каный (Лекции по археологии Кореи). – Сеул: Сахве пхённон, 2007. – С. 23–72 (на кор. яз.).

Морита Токаси. Сага-кэн (Префектура Сага) // Хигаси адзия-ни окэру сисэкибо-но со:го:тэки кэнкю: (Комплексное исследование дольменов Восточной Азии). – Фукуока: Кюсю дайгаку, 1997. – С. 72–106 (на яп. яз.).

Сидзэн то исэки-кара мита Фукуока-но рэкиси (История г. Фукуока на основе изучения природы и археологических памятников). – Фукуока: Фукуока-си кё:ику и:нкай, 2013. – 470 с. (на яп. яз.).

Сито сисэкибо-гун. Майдзо: бункадай хаккуцу тё:са хо:коку-сё (Группа дольменов Сито. Отчет о проведении

археологических работ). – Фукуока: Фукуока-си кё:ику и:нкай, 1956. – Вып. 4. – 40 с. (на яп. яз.). – Бункадай хого иинкай (Материалы комитета по защите культурных ценностей).

Сим Бонгын. Хангук-эсо пон ильбон яёй мунхва-ый чонгэ (Развитие японской культуры яёй: взгляд из Кореи). – Сеул: Хагён мунхваса, 1999. – 278 с. (на кор. яз.).

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. – М.: Наталис, 2011. – Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. – 533 с.

Ха Мунсик. Гочосон чийё-ый коиндолё ёнгу (Изучение дольменов в районе Древнего Чосона). – Сеул: Пэксан чарёвон, 1999. – 380 с. (на кор. яз.).

Хангук чжисонмё (коиндолё) юджок чонхап чоса ёнгу – пунпхо, хёнсик, кивон, чонпха мит сахве погвон (Комплексное изучение дольменов Кореи – распространение, типология, происхождение, взаимосвязи и социальная реконструкция). – Сеул: Управление культурного наследия Республики Кореи; Музей Сеульского нац. ун-та, 1999. – 1251 с. (на кор. яз.).

Хангукса – чхондонги мунхва-ва чхольги мунхва (История Кореи: культура эпохи бронзы и железа). – Сеул: Кука пхёнчхан вивонхве, 1997. – Т. 3. – С. 7–322 (на кор. яз.).

Чоннам-ый кодэ мёдже (томён, саджин) (Древние погребения пров. Чолла-Намдо (иллюстрации, фотографии)). – Мокпхо: Музей Ун-та Мокпхо, 1996. – 590 с. (на кор. яз.).

Чхве Джонпхиль. Новый взгляд на неолит Кореи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 39–50.

Чхве Сонлак. Хангук когохаг-ый панбоп-ква ирон (Методы и теории корейской археологии). – Сеул: Хагён мунхваса, 1998. – 356 с. (на кор. яз.).

Ю Тхён. Строительство дольменов и появление социальной элиты: обзор теорий // Хангук чисонмё ёнгу ирон-гва панбоп: кегып сахве-ый пальсэн (Теории и методы исследований дольменов Кореи: появление стратифицированных обществ). – Сеул: Чурюсон, 2000. – С. 173–228 (на кор. яз.).

Яёй бунка. Ниппон бунка-но гэнрю:о сагуру (Культура яёй: В поисках истоков японской культуры). – Идзуми: Хэйбонся, 1991. – 253 с. (на яп. яз.).

*Материал поступил в редколлегию 18.02.16 г.,
в окончательном варианте – 01.08.16 г.*